

В одно мгновение жаркая атмосфера остыла. Чу Сюньчжоу почувствовал себя так, словно на него вылили ушат ледяной воды, пробирающей до самых костей.

Или будто на сердце рухнул тяжелый камень, отчего земля ушла из-под ног, и он начал стремительно падать в бездонную пропасть.

В покоях стало тихо.

В этой застывшей, тяжелой тишине лишь тускло подрагивал огонек свечи, отчетливо высвечивая прекрасное, живое лицо спящего.

Чу Сюньчжоу медленно поднял руку, его пальцы коснулись белой, тонкой шеи Янь Цина и начали плавно сжиматься. Взгляд его был бездонным, а лицо – спокойным до пугающего безразличия.

— А-Цзюэ? — Повторил он это имя шепотом, словно нежно окликая любимого. — Разве Великому наставнику Нас недостаточно? А-Цзюэ... кто он такой?

Янь Цину снова приснился сонный паралич.

За триста лет в прошлом мире это чувство нехватки воздуха врезалось в память слишком глубоко. Губы снова покалывало и саднило – он решил, что это тот щенок Шэнь Цзюэ, и во сне машинально позвал его по имени.

И действительно, в следующий миг ощущение удушья исчезло.

Но следом он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд – то обжигающий, то леденящий. Ему казалось, что он что-то забыл, но в сонных мозгах все перемешалось, и он снова провалился в глубокий сон.

Когда он открыл глаза, на улице уже вовсю светило солнце.

Он еще не до конца проснулся и, зевая, медленно сел в постели.

Нижнее белье перекошилось, завязки на поясе развязались. Полагая, что в комнате он один, Янь Цин беспардонно распахнул ворот и потянулся.

На середине зевка он застыл.

Его взгляд уперся в стол неподалеку от кровати. Там, в контровом свете, сидела высокая, статная фигура. Солнечные лучи, проходя сквозь оконный шелк, падали на глубокие черты лица, создавая игру света и тени и придавая лицу мрачное, трудночитаемое выражение.

От этого взгляда у Янь Цина волосы на теле встали дыбом, по спине пробежал холодок.

Он тут же запахнул ворот и, только когда убедился, что надежно прикрыт, снова посмотрел на гостя:

— Ва... Ваше Высочество, почему вы здесь?

Губы Чу Сюньчжоу изогнулись в безжизненной улыбке, в глубине глаз царила пустота, а голос звучал хрипло и низко:

— Нам нельзя здесь находиться?

Янь Цин выпалил на автомате:

— Конечно можно! Это ваше поместье, вы можете быть где угодно. Я сейчас же уйду.

С этими словами он схватил висевшее на стойке верхнее платье и набросил на плечи. Чу Сюньчжоу с бесстрастным лицом наблюдал за тем, как он одевается.

У него была очень тонкая талия – пояс, небрежно обернутый вокруг нее, лишь подчеркивал это изящество.

Сам Янь Цин этого не замечал. Наспех одевшись, он бросился к выходу, словно не желал оставаться здесь ни секунды, избегая принца как чумы.

Чу Сюньчжоу не выдержал и прикрыл глаза. Когда юноша проходил мимо, он резко схватил его за запястье и дернул на себя, заставляя рухнуть в свои объятия.

От этой неожиданности у Янь Цина зазвенело в ушах. Он начал вырываться, отчаянно взывая к Системе!!

Черт побери, прошла всего одна ночь! Что случилось? Почему нормальный главный герой вдруг слетел с катушек!

[Иду, иду! Хозяин, что стряслось?]

Янь Цин в бессильной ярости вопил:

— Ты сама посмотри! Он опять сошел с ума!

Система: [Э-э... да вроде ничего особенного. Ты просто чуть не упал, а он тебя подхватил...]

[Погоди!]

Янь Цин:

— Какого черта «погоди»?!

Система: [... Уровень очернения изменился.]

Внимание Янь Цина переключилось, он машинально спросил:

— На сколько снизился?

Голос Системы стал тяжелым: [Не снизился. Снова подскочил до ста. За одну ночь! Что ты натворил?]

Янь Цин будто громом поразило:

— Да что я мог сделать?! Поел и лег спать! Что еще я мог сотворить?

[Сейчас главный герой в опасном состоянии. Хозяин, ты... справишься?]

Янь Цин ответил не раздумывая:

— Настоящий мужик не говорит «не справлюсь». Отключайся!

Система мигом испарилась.

Янь Цин пришел в себя. Лицо Чу Сюньчжоу было совсем рядом – так близко, что их дыхание смешивалось.

Он все еще крепко держал его за запястье, его лицо было суровым, а взгляд – пугающе глубоким.

В следующий миг Янь Цин услышал его холодный голос:

— Кто такой А-Цзюэ?

А?!

Глаза Янь Цина округлились от шока.

Какой еще, к черту, А-Цзюэ? Откуда в этом мире взяться А-Цзюэ?

Должно быть, его выражение лица было слишком ошеломленным, потому что хватка Чу Сюньчжоу чуть ослабла, но он продолжил:

— Этой ночью ты постоянно звал его по имени.

— Кем он тебе приходится?

Янь Цин поднял свободную руку и с размаху прихлопнул ее к лицу. Он был готов уйти в глухую оборону.

Он знал, что такие сны до добра не доведут. Ладно сны, но почему он выболтал имя вслух?!

— Нечего сказать? — Чу Сюньчжоу смотрел на него сверху вниз, его глаза сверкали, как холодные звезды.

Тот, кто посмел соблазнить его Великого наставника... лучше бы ему не знать, кто это. Иначе он из-под земли его достанет и разорвет на куски.

Янь Цин почувствовал, как рука на запястье снова сжалась. Можно было не гадать – там наверняка останется красный след.

В голове вихрем пронеслись тысячи мыслей. Янь Цин глубоко вздохнул и выдал наобум:

— А-Цзюэ – это пес, которого я когда-то вырастил.

«Преданный поклонник – тоже своего рода пес, не будем придирааться к деталям».

Взгляд Чу Сюньчжоу чуть смягчился:

— Правда?

Янь Цин кивнул без тени сомнения:

— Он был со мной много лет. Мы всегда ели и спали вместе.

Неизвестно, поверил Чу Сюньчжоу или нет, но его лицо стало мягче. Он спросил:

— И где же он сейчас? Почему Мы его никогда не видели?

Янь Цин ответил с глубокой скорбью:

— Он умер.

«И вправду умер. Я своими глазами видел его кончину, иначе не смог бы уйти».

В глазах Чу Сюньчжоу что-то промелькнуло. Он наконец отпустил руку юноши, и его гнев мгновенно развеялся.

— Прости. Мы не хотели напоминать тебе о твоей утрате.

Как только он договорил, от Системы пришло оповещение: [Динь! Уровень очернения снизился на 20. Текущий уровень: 80! Поздравляю, Хозяин!]

Янь Цин выдохнул, тут же выскочил из его объятий и отпрянул метра на три. Взгляд Чу Сюньчжоу невольно снова потяжелел.

Янь Цин заговорил первым:

— Хоть мы с Вашим Высочеством оба мужчины, нам все равно не подобает касаться друг друга. Нам следует соблюдать дистанцию.

Чу Сюньчжоу долго смотрел прямо в его чистые, прозрачные глаза формы «лепесток персика», а затем произнес:

— Сегодня Мы были излишне порывисты из-за тоски по старому другу. Надеемся, господин Му не затаит обиду.

Янь Цин промолчал и настороженно опустил рукав, но красная отметина на запястье все равно промелькнула.

Чу Сюньчжоу, не отрываясь, следил за ним и, конечно, заметил этот яркий след на белоснежной коже. В этом была какая-то странная хрупкость, вызывавшая желание окончательно его сломить и растоптать.

Он прикрыл веки, скрывая мрачные мысли, и глухо спросил:

— Твое запястье покраснело. Позволь Нам растереть его?

<http://bllate.org/book/18143/1740367>